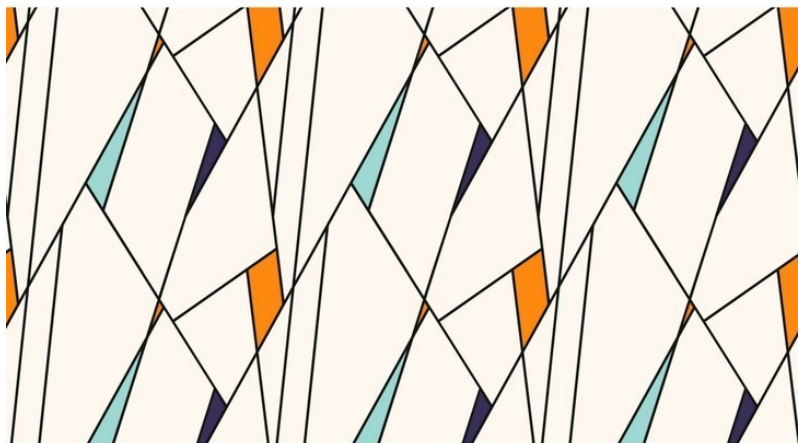


Артем Шиков



ДЕНЬГИ

Артем Шиков

Деньги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338556

ISBN 9785448533792

Аннотация

Попытка написать что-то внятное. Рассказ о людях, сидящих в одной загадочной квартире и яростно пытающихся найти ответы на самые главные вопросы.

Деньги

Артем Шиков

© Артем Шиков, 2017

ISBN 978-5-4485-3379-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Долго ли коротко ли он шел. Тихой речушкой разлился лед по сухой промерзшей земле. Тихо и далеко звенели падающие ночные снежинки. Черный силуэт шел и скрипел по снегу. Навстречу силуэту прошла миленькая маленькая девочка. Силуэт вроде бы улыбнулся ей и протянул конфетку (или это были деньги?). Девочка выразила свою махонькую благодарность и веселенькая пошла дальше с мыслью о хорошем дядечке, которого, возможно, никто и не видывал на земле, кроме нее-то.

А силуэт направился дальше к большому многоэтажному дому. Это была кирпичная шестиэтажная коробка, в коей жило примерно большая часть населения необъятной родины.

С другой стороны поспешал к тому же зданию другой силуэт. Это был высокий худой мужчина лет тридцати или тридцати трех с большой черной шапкой на голове и очень

сильно выделяющимся на черном фоне красным галстуком. Он спокойно прошел по скользкой ледяной дороге яко по неглубокой воде (а по неглубокой воде, как известно, идти намного легче, чем по льду) и подкрался к дому, как уже было сказано, с противоположного угла.

Оба они направлялись в квартиру номер тридцать шесть с дубовой коричневой дверью, на которой красовались различные витиеватые орнаменты в духе ультразападного японского стиля.

Сама квартира разделялась на несколько комнат, которые сейчас будут благоприятнейшим для вас образом перечислены. Тут же после входа в квартиру вас встречает недлинный коридор метра два или три длиной, где справа расположена дверь в намного более просторную квадратную ванную комнату. Слева по стене таких же размеров была еще одна комната, но там свет постоянно выключен, и разглядеть что-либо практически невозможно. Возвращаясь же к коридору, — он проводит вас прямиком в просторную до достаточной степени прямоугольную комнату с такими же большими и величавыми шторами на двух черных окнах, сильно больших, чем все обыкновенные окна, становящиеся нашими согражданами. В этой комнате ближе к окнам и между ними стоит круглый стол, ничем не покрытый и шесть стульев со спинками, хотя поодаль возле стены стоят еще несколько. Вся комната покрыта темно-зелеными обоями с какими-то позолоченными линиями, отчего обстановка напоминает век девят-

надцатый. Эта самая большая комната ведет в еще две, стоящие друг против друга, так, что под левым боком для одной находится коридор, а под правым окна. Кто хозяин квартиры, мне, автору, сообщено не было как и многое другое и, оттого, как вы видите, я многого не знаю.

Первым, однако, в квартиру вошел высокий мужчина, описанный мною последним. Он повесил свою одежду на вешалку и предстал перед всем честным народом в правильно сшитом пиджаке и брюках, очень темного, но все-таки голубого цвета. Пройдя дальше по коридору, он заметил двух мужчин сидящих на стульях, ближе к окнам. Один, белобрысый, с тонкими почти незаметными черными усиками, сидел дальше от коридора возле другого мужчины с темными волосами и очень прозорливым взглядом. Последний казался сильно моложе своих лет, и определить его возраст достоверно невозможно. Оба они были в правильно сидящих пиджаках черного, как казалось, цвета, однако свет, падающий на их одежду от цветастых ламп, окрашивал их одежду в зеленоватый болотистый цвет. Тот, что с темными волосами, постоянно думал и чему-то задорно улыбался, но сквозило в этом что-то недоброе.

Высокий спокойно поздоровался со всеми и сел чуть поодаль от темного, но вместе с тем по левую руку от него, заняв, получается, юго-западную часть стола.

Тут-то высокий разглядел своих новоиспеченных знакомцев поближе. Белобрысый, видимо, являлся достаточ-

но обеспеченным человеком, хотя и сильно молодым, лет двадцати трех или двадцати пяти, с зачесанными и набриолиненными волосами. Второй же обладал обыкновенной, но вычурной прической, и был прекрасно выбрит. Из другой комнаты донесся шум, и черная дверь отворилась. Она была за спиной новоприбывшего, оттого он не сразу заметил вошедшего в комнату староватого господина с круглыми очками в стальной оправе и длинными витиеватыми волосами, переходящими в кудри. Это был седой мужчина лет тридцати с основательной небольшой небритостью, граничащей с бородой, и простым костюмом, который хоть и был пиджаком с брюками, да все равно выглядел как-то вяло и бедно. Мужчина сел между двумя молодыми людьми. На вид ему было лет пятьдесят.

Первым речь держал темный:

– Приветствую всех собравшихся здесь сегодня. В этом чудесном темном притоне для всяких подозрительных личностей. – Он засмеялся. – Я, так и быть, представлюсь первым. С вашего позволения! Я Владимир Вревойлев, менеджер крупного звена, как впрочем, я полагаю и вы все, господа. – Он осмотрел всех собравшихся с ним и вскинул взгляд на картину. – Ха! Ротбард, Господи как пошло! Хаха

Все (или почти) согласились со своим не бедным материальным положением. Тут же заговорил белобрысый:

– А я, чтоб вы знали, Александр Вейлев, да. Вот.

Все из вежливости закивали. Наконец сели.

Начали играть в гвинт. Почему именно в эту игру, никто сказать достоверно не мог, но, видимо, хотелось вспомнить времена бурной и отошедшей в прошлое молодости. Так и играли. Постепенно задумался старик в очках, и, помедлив, сказал:

– Забыл представиться, господа, мое имя Михаил Зальцман. Господа, отчего мы играем в гвинт? – он почему-то спросил. Его глаза все время неуверенно бегали с лица на лицо, затем на стол и стены. От этого очень странная возникла ситуация, и, возможно, чтобы довести ее до логического конца Вревойлев ответил:

– Оттого, что хотим, Зальцман! Вот хотим же мы, чтобы, понимаешь, не было зимы, а она есть! А я вот хочу, чтоб не было ее и сублимирую свое желание на игру.

– Вы всегда так отвечаете, Вройлев?

– ВРЕвойлев, господин Зальцман. Я всегда чувствую себя весьма раздраженным. – Вревойлев, говоря эти слова, порылся в карманах и вытащил оттуда пачку сигарет. Вскоре табачный дым окутал всю комнату.

– Кстати, как ваши товарищи, банкиры? Хорошо поживают, товарищ Зальцман?

Тут уже пришел черед взбелениться старику:

– Вы очень хорошо осведомлены о моих родственниках. Однако ж хорошо они поживают, лучше чем многие. – Он скосил взгляд с карт на Владимира. – А вы Вревойлев, зачем сюда пришли? Чтобы сыпать претензиями?

– Он пришел сюда, потому что... – начал Вейлев.

Но Владимир его перебил.

– Я пришел сюда, потому что решил посмотреть на вас, собравшихся. Что мы имеем? Меня, прекрасного и нормального (это слово он как-то странно подчеркнул) человека, старого еврея-профессора и какого-то непонятного гражданина-миллионера. (он немного засмеялся) Ну и где твои миллионы, корейка? – обратился он к высокому человеку.

Последний, до этого спокойно и тихо слушая разговор, смотрел на них каким-то странным, но не опасным взглядом, будто бы смотрел он сквозь них самих. Окликнув его, Владимир вскинул бровь, не понимая, что же тот медлит. «Миллионер» склонил голову набок, не меняя безмятежно-задумчивого положения лица, ответил:

– Миллионы? – Он чуть улыбнулся. – Вы часто буйствуете? Зачем ерничать с незнакомыми людьми, Владимир?

– А вы часто морализаторствуете, господин миллионер? Уж вам то, хехехе, не стоило бы. – он усмехнулся. Однако стал спокойнее. Было видно, что сказанное им было для него пустым и суетным, оттого почувствовал он явную моральную муку, проще говоря – стыдно стало.

Миллионер еще посидел, поиграл, помыслил и затем:

– Владимир, вы верите в бога? – вдруг резко спросил миллионер.

– Интимный вопрос, господин. – С долей иронии ответил он и, будучи сбит с толку, скосил глаза на миллионера. – Я

смотрю, что вы точно верите. Вам есть, чем верить! Хахаха!

– Ну а все же?

– Вот я верю! – Вмешался Зальцман. – Наш творец, сделал мир и нас, и ведет наши пути. Я – линейный человек!

– Ведет или нет, не вам, тораедам, знать, уж точно. Все эти иудейско-протестантские странники в автобусах под видом бога и прочее – ложь, ложь, одна большая ложь! Я верю в двойного бога, если вообще адекватно сейчас говорить о божьих концепциях. Смешно, право, «создал по образу и подобию»! Хахахаха. Что же за идиотская чушь? Ему сиськи зачем? Или половые органы? Он что, не один? Так что же врете раз не один? А, стоп! Он что, огромный колдун на небе, который просто больше человека? Айайай! Это же ужасная ересь и богохульство! Так вы хотели сказать, Михаил? (Зальцман действительно расправил в удивлении доселе сердитое лицо, видимо, правда, намереваясь перебить говорящего) Наше дело не в том, чтобы верить в эти сказенки, а чтобы представить, какой действительный смысл мы можем туда вложить, чтобы они, эти бредни, стали действительно глубоки. Семантические упражнения для школьников!

– Вы озлоблены, это навевает грусть. Верить или нет, на то дана свобода, как и на всякое другое. Впрочем, мне интересно, что вы имеете в виду под двойным богом? – миллионер никак не менялся в лице и лишь беззлобно смотрел зелеными глазами на Вревойлева. Его действительно заинтересовал

этот буйный человек.

– Оо, скажу так. Я верю в концепт идей про Иегову-Уриэна и его явного противника Иисуса Христа. Я явно сомневаюсь в существовании обоих хоть в прямом, хоть в обычном переносном смысле, но уверен в иной смысловой глубине этих сказаний. Вечный цикл и вечный конфликт одного и другого, двух неубиваемых и бесконечных начал этого мира.

– Да, вечность. Ничто не ново под луной, с этим я согласен. – Миллионер посмотрел на Вревойлева. – Так значит конфликт отцов и детей?

– В каком-то смысле да. Сложно сказать, кто кого порождает, одно *постоянно* порождает другое. Понимаете? Некая вечная связка вселенной. Впрочем, я имею в виду только человеческое. Я не считаю, что человеческое в точности повторяет природное. Законы физики – законы природы, а *метафизика* – это человеческие законы. То есть и одно общество аки человек действует, ибо состоит оно из людей.

Зальцман, ставший безучастным к разговору, посмотрел в окно. Было темно и окно заметно поддувало.

– Холодно.

– Немного есть, да. Заметьте, мы идем к тому, чтобы максимально уменьшить свое недовольство. Ровным и прямым ходом к комфорту уже три тысячи лет. А теперь скажите, почему некоторые бесконечно и беспокойно ноют по поводу чего-угодно сколько угодно, не прикладывая сил для то-

го, чтобы собственно перестать испытывать ущемления своей души?

– Это вы к чему?

– Мне *не с кем* говорить, Зальцман, у меня нет ни отца ни матери. Все приходится додумывать самостоятельно. Как хорошо было, когда старшие знают ответ и посылают тебе знание в книгах. А ответ на поставленный вопрос очень простой: потому что им хочется так жить, мазохисты, господин!

Он натужно засмеялся. Его в такой же манере поддержал Вейлев.

Раздался оглушительно мерзкий звонок в дверь. «Я открою!» резко донеслось из-за плеча Вейлева, и из темной комнаты вышел странный то ли старик, то ли мужчина в расвете сил в шапке-ушанке и каких-то странных ботинках, похожих на валенки. Вероятно, все также не ожидали ни такого хозяина, ни такого наряда, потому что Вревойлев смотрел на старика вытаращенными глазами, а Вейлев даже открыл рот. Старик непринужденно улыбнулся и, поздоровавшись со всеми кивком головы, пошел открывать дверь. Все наострили уши, и лишь миллионер усмехнулся их забаве, по-отечески посмотрев на маленьких деток. О чем-то в достаточно сдержанной манере, однако же со все равно проskalьзывающими нотками визгливости, соседка сверху в розовом фартуке с цветочками (сильно похожими на альвеолы) очень сильно просила перестать курить, ввиду того, что потолок, оказывается, пропускает табачные пары дальше

вверх, и все, что стоит или лежит на полу теперь пропахнет сигаретами, и еще что-то про урон собственности. Дед извинился и ответил, что примет меры. Двери в скорости затворились. После непродолжительного молчания все, словно стоворившись, посмотрели на вышедшего из коридора старика.

– Милки, будьте добры, не курите, соседи вон жалуются, морите вы моих соседей! – улыбнувшись ласково сказал дед. – А я пока пойду, зовите, если что.

– Как скажешь, хозяин-барин.

Пока ветхий днями удалялся в комнату уже противоположную той, из которой вышел, миллионер успел заметить, что там стоят какие-то странные красно-зеленые колбы, от которых будто бы идет дым. И то ли это были не колбы вовсе, а какие-нибудь ночные лампы или вообще что-либо иное, во тьме комнаты ничего то и не разглядишь, но все почему-то тут же решили, что дед, видимо, старый наркоман, который, небось, и приторговывает всяким своим творчеством.

Прищурившись, Вревойлев сказал, смотря вслед уходящему старику:

– Подозрительный тип. От него веет какой-то благостью. – И скривил губы в сильной усмешке.

– От таких то веет. Только вот странно видеть мне любителей деревенских ватников среди таких вот людей. – Зальцман кивнул в сторону закрывшего дверь деда. – Видимо,

небогатый. – Задумчиво проговорил он.

– Слабо дело идет! – подвел итог Вревойлев.

– Мне странен его костюм, разве не жарко в таком ходить? – задумчиво произнес миллионер.

– Жарко? Может, странно? – С холерическим хохотом воскликнул Владимир. – Будем звать его доком!

Однако Вейлев вдруг задергал своими бровями и заговорил:

– Ну, от этой комнаты веет ветер, может быть, там холодно?

И действительно из темной комнаты шел достаточно холодный ветер, хотя все окна там были закрыты. Это было видно, благодаря лунному свету, исходившему из правой стены.

– Ладно, забудем. Странная квартира.

– Нехорошая. – поддакнул Вейлев.

– Пошло, Александр, пошло. – с неудовольствием Врейвойлев повернул голову к Вейлеву. И тут же с холерическим запалом продолжил:

– А Бог? Что такое Бог? Бог – есть? Хаха! Еще бы. Для всей части нашей необъятной родины, матушки Землицы, это уже *деньги*.

– Какая-то очевидная мысль для нашего диалога. Стоило так много говорить ради этого? – вдруг спросил миллионер.

– О, вы не совсем понимаете, что я имею в виду. Впрочем, я знаю, знаю. Сейчас объясню. Видите ли, деньги, де-

нюжки, деньжата всего лишь средство, всего лишь объект. Понимаете? Объект. И этот объект стал не то чтобы символом, это романтично я бы даже сказал, а идолом. Люди глупые, простые, нормальные (он резко засмеялся) они ведь что-то сильно придумывать и додумывать не хотят. Ты им мысль то подай, принеси. Вот они и измываются, как могут. Одни придумали: «бог», другие сказали: «молись!» Концепт, из какого-то таинственного сверхсложного или почти невозможного для восприятия сверхприродного и сверхъестественного, превратился в простое существо, трансцендентное для взгляда, но имманентное по бытийности, ставшее одним из *обычных старших*, тех, кто подаст или с кем можно договориться. Идет всеобщее упрощение для понимания. И вот ему молятся, с ним дерутся, его кидают в реку и в огонь дрянные язычники. А потом христиане приходят со своим снова обновленным и чистым богом. Однако всерьез думать, что эти концепции, как говорили мы в молодости, *просекут* язычники, было крайне глупо. И всё вернулось в свою идольную *ипостась*. Не отступайте от Бога и не поклоняйтесь идолам, что не создали ни небес, ни земли, ни какой-либо иной твари. Ибо и сами они, и те, кто им поклоняется, погибнут. Понимаете? Что мы видим? В троице, в идоле, в иконе? *Овеществленность*. То, что можно подержать в руках, то и может быть богом. Поэтому так католики взбеленились на православных из-за икон, поэтому запрещено изображать Мухаммеда в исламе. Однако эрзац-

ность концепции, ее симуляция и имманентная любому процессу популяризации симулякрация (то есть подмена понятий под более привычную им форму), неуничтожима, она сидит в простом человеке, ибо человек простой – как обезьяна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.